

ПРОБЛЕМА ЦЕННОСТИ В ФИЛОСОФИИ
РОМАНА ИНГАРДЕНА
Л.И. Борсук

Отношение к ценности как к самостоятельной философской категории начинается в середине XIX в. с трудов Г. Лотце. До этого ни категория ценности, ни ценностный мир, ни ценностные суждения не являлись предметом специализированной философской рефлексии. Любая проблема начинает привлекать исследователей, как правило, в условиях ломки традиционных стандартов мышления. История аксиологии как самостоятельной области философии, где категория ценностей является основной, начинается в период кризиса классической традиции. Возникновение аксиологии оказалось сферой противостояния, диалога, трансформации ценностей классической и неклассической эпохи, что было продолжено во второй половине XX века уже в условиях постнеклассики.

Переход к неклассической традиции в философии был связан с критическими оценками духовных ориентиров, развивающихся от Сократа до Гегеля: человек, разум, главенство морали, общественный прогресс, свобода. Неклассическая эпоха подвергла сомнению разумную природу человека, эволюцию общества в направлении к свободе и раскрытия «моральных задатков», культ науки и теоретического познания. Аксиология, как таковая, возникает лишь с осознанием раздвоения мира реальности и мира устремлений и желаний субъекта.

В дальнейшем в аксиологии определились два направления, первое из которых признавало ценность продуктом сознания, а второе – объективно существующим феноменом. Первое – нашло проявление в теории натуралистического психологизма (Дж. Дьюи, Р.Б. Перри, Т. Манро, А. Мейнонг, Дж. Сантаяна), представители которого настаивали на субъективизации понятия ценности в идеалистическом аспекте. Источники ценностей представители этого подхода связывали с биологическими и психологическими потребностями человека, а сами ценности трактовали как возможные факты эмпирической реальности. По сути, это направление может быть оценено как попытка дальнейшего развития традиции понимания аксиологии в контексте онтологии с позиции идеализма и натурализма.

Второе направление – онтологическое и феноменологическое в интерпретации ценностей (Э. Гуссерль, М. Шелер, Н. Гартман, Р. Ингарден, М. Дюфрен) – отстаивало противоположные взгляды и получило большее развитие.

Э. Гуссерль отмечает, что «вместо предметов, ценностей, целей, вспомогательных средств, мы рассматриваем тот субъективный опыт, в котором они «являются» нам. Суждение, оценка, стремление, утверждает он, есть не пустое обладание в сознании соответствующими суждениями, оценками, стремлениями, но в первую очередь есть переживания, состоящие из интенционального потока, каждое в соответствии со своим устойчивым типом. Если включать в понятие ценности смыслополагание, то

феноменологический подход отводит оценивающему мир субъекту роль первоосновы, благодаря которой все то, что трансцендируется сознанием, в том числе, любая реальность в мире, обретает смысл своего существования. Гуссерль в этой связи писал, что всякое объективное существование уже по сути своей «относительно» и обязано своей природой единству интенции, которая, будучи установлена согласно трансцендентальным законам, порождает сознание с его характером веры и убеждений. Источником ценности, таким образом, выступает индивидуальное сознание, направленное на объект, но само сознание, с точки зрения Гуссерля, есть, в некотором смысле, форма трансцендентального сознания, что позволяет говорить о некоторой объективности мира ценностей.

Польский философ Роман Витольд Ингарден был учеником Эдмунда Гуссерля и, соответственно, продолжателем его феноменологической школы. При этом выступал против гуссерлевской трактовки трансценденции, подразумевавшей лишь выход за пределы себя, и предложил собственную систему, включающую трансценденцию «структурную», «радикальную», «целого бытия», даже «не доступную познанию». Интенциональность волновала Ингардена не меньше, чем трансценденция, – краеугольные камни любого феноменолога. Понятие интенциональности применялось им ко всякому художественному произведению «интенциональному бытию», по его выражению, что позволяло точнее обозначить свойство человеческого способа познания – экзистенциального.

Существование других аксиологических теорий, а также множество их типологизаций в это время позволяет говорить об отсутствии единой парадигмы относительно существа ценности. К этому добавляется наличие определённого устойчивого контекста проблем, связанных с ценностью как особой предметностью. Круг "белых пятен" аксиологии Р.Ингарден осмысливал в работах «Książeczka o człowieku» («Книжечка о человеке»), а также в «Wykładach z etyki» («Выводы из этики») и «Studiów z estetyki» («Исследования по эстетике»), хотя и не создал стройной аксиологической теории.

Пытаясь определить «перспективу исследования», необходимую для теории ценностей, Ингарден, всего за несколько лет до своей смерти, пишет весьма убедительное и, в то же время, предварительное эссе «What we do not know about values» («Чего мы не знаем о ценностях»). В этом эссе он приводит свое понимание положения дел и определяет проблемы, которыми, по его мнению, должна заняться истинная теория ценностей. Для начала Ингарден временно принимает отдельные типы, или области, ценностей. Его список включает: а) жизненные ценности б) культурные ценности, в частности, познавательные, эстетические и социальные ценности (обычаи) в) моральные ценности (в узком, точном смысле этого понятия). Относительно данного разнообразия и, в целом, проблемы «что такое ценность?», Ингарден задается следующими вопросами:

1. На каком основании различаются ценности или типы ценностей?

2. Являются ли, формально, ценности свойствами, отношениями, идеальными качествами, умственными или эмоциональными состояниями и как они накапливаются в своих предполагаемых носителях?

3. Как существуют ценности, если они вообще существуют?

4. Могут ли ценности быть определены или иерархически выстроены?

5. Являются ли ценности автономными, или все ценности проявляются в совокупности, основанной на каком-либо качестве объектов, опыта или чего-либо другого?

6. Каков статус так называемой «объективности» ценностей?

Ингарден считает, что эти вопросы естественно возникают при нашей встрече с ценностями: в своих качественных определенностях ценности проявляются как особые и несводимые к определенностям других коррелятов нашего опыта. Тем не менее, было бы преждевременным предположить, что различие типов ценностей, приведенное выше, покоится на адекватном различии качественных особенностей каждого типа. Ингарден категоричен в этом отношении: вообще, даже если мы сможем интуитивно познать данный объект, например ценности, «... то, что достигнуто, не является еще, по одной этой причине, предметно схваченным в своей качественной определенности, и тем самым отличным от всех других качеств, чтобы быть способным на безошибочную идентификацию» [2]. Он пытается определить критерии типологии (*Poszukiwanie kryterium typologii*), структуру (*Struktura wartości*), форму, (*Wartościowość*), существование ценностей (*Istnienie*), ценности как ответственность (*Wartości jako warunek odpowiedzialności*), иерархию (*Hierarchia wartości*), независимость (*Autonomia wartości*) и объективность ценностей (*Obiektywność wartości*) [3].

Ингардена, с его склонностью к структурному мышлению, более всего занимала идея систематизации ценностей, сгруппировать которые – его исходная позиция – можно при условии одновременного наличия разных ценностей. Неустанное желание Ингардена обозначить «родовые моменты» ценностей, отношение к которым, и формирует личность, побуждают Ингардена сделать следующее заключение: *ценности как часть общей онтологии существуют объективно, со своей иерархией, не зависят ни от своего носителя, ни от оценки, какую им дают.*

Ингардену принадлежат важнейшие открытия не просто в сфере философии, а в пограничных с ней областях – прежде всего в эстетике, литературоведении, теории познания. В итоге – расширение границ и слом узкой дисциплинарной специализации. Возникновение такой междисциплинарной области, какой на сегодня является культурология, – безусловно, во многом заслуга Ингардена. Он обосновал понятия, ставшие ныне расхожими, скажем, идентичности, заставившей заговорить о себе после Второй мировой войны.

Исходный пункт теории познания для Ингардена – «интуиция переживания». Отсюда его непреходящий интерес к природе творчества. Ингарденская рецептивная эстетика круто передвинула, как стрелки часов на циферблате – не просто историческом или философском, а в широком

гуманитарном смысле, внимание с автора текста на читателя, обозначив новую эру в литературе и искусстве, раскрепостившую человеческое сознание: соавторство утверждалось как неприемлемая реальность бытия и творчества. Тем самым человек – любой, профессиональный или обычный читатель, слушатель, зритель, автоматически становился соавтором Создателя.

Ингарденовское заявление о реципиенте – той категории людей, для которой пишут, рисуют, сочиняют и при этом с нею не считаются, ее не учитывают – обозначило подлинно демократический взрыв в науке. Гарольд Осборн, один из самых активных пропагандистов его учения и метода, назвал его сочинения «кладзем замыслов», особо отмечая метафизическую и онтологическую проблематику искусства. Никто другой, подчеркивает он, не вникал столь глубоко в феноменологию эстетического восприятия.

Между тем данный поворот определил последующее русло развития всего современного литературоведения, и стал проявлением гуманности во всех отношениях, расширив специфику области искусства и возможности текстуального изучения, обогатив герменевтику и сделав из рецепции особое явление, феномен человеческого «я». Так исподволь складывалась его «философия человека», которая, в сущности, питает все его труды, какими бы отвлеченными, на первый взгляд, они ни казались.

Человек, в принципе, считал Ингарден, «распоряжается только двумя возможностями победы над Природой. С одной стороны, может познать себя самого и окружающую его Природу в ее собственной сущности, истинной и оригинальной. А с другой – реализует своим усилием, своими победами и даже своими поражениями ценности Добра и Красоты, которые в действительности проявляют себя только в интенциональных делах, в них находится по существу некая высшая реальность, по сравнению с миром самой Природы. И человек служит реализации этих ценностей».

Сам философ везде и во всем находился на пограничье (чему во многом способствовало личное качество его ума – аналитичность): онтологии и экзистенции, эпистемологии и эстетики, реализма и структурализма, «строгой науки» и человеческого бытия, конкретизируя семиотику, выявляя сложность взаимодействия человека и мира, в конечном счете, творя свой собственный экзистенциально-феноменологический дискурс.

«Однажды возникнув, безотносительно, из какой власти и на какой основе, я есть сила, которая сама себя множит, сама себя строит и сама себя перерастает, в той степени, в какой способна собраться, а не рассыпаться на мелкие минуты, подчиняясь страданию или отдаваясь удовольствию.

Я – сила, которая, живущая в теле и телом же используемая, носит на себе следы тела и не раз подлежит его действию, но вместе с тем раз это тело поработив, способна обратить все свои возможности на усиление себя самой.

Я – сила, которая однажды была выброшена в чужой для себя мир, этот мир она присваивает себе и даже более – из того, что остается, создает новые, необходимые для жизни создания.

Я – сила, которая хочет зафиксировать себя – в себе, в своем деле, во всем, с чем встречается, чувствуя, что хватит лишь одной минуты для

ослабления напряжения или забвения, и саму себя разобьет, саму себя утратит, уничтожит.

Я – сила, которая в тоске придумывает самые большие сокровища восторга и счастья и стремится к их осуществлению, но готова от всего этого отказаться за одну возможность продолжать быть.

Я – сила, которая противится судьбе, когда чувствует и знает, что своим свободным поступком вызывает из небытия то, что останется после нее, когда сама она стогит в борьбе.

Я – сила, которая хочет быть свободной. И даже свою длительность хочет посвятить свободе. Но живущая под напором других сил, обступающих со всех сторон, сама в себе находит зародыш неволи, стоит лишь ей разрядиться, пренебречь усилиями. И утрачивает свою свободу, если привязывается к себе самой. Длиться и быть свободной может она только тогда, когда добровольно предаст саму себя на создание добра, красоты и истины. И только тогда существует» [2, 27].

Литература:

1. Роман Ингарден. Исследования по эстетике. – Москва: Издательство иностранной литературы, 1962. – 572 с.

2. Ингарден Роман. Книжечка о человеке / сост., пер. и вступ. статья Е.С. Твердисловой. – М.: Издательство Московского университета, 2010.– 208 с. – (Серия «Книга Мысли»).

3. R. Ingarden, Czego nie wiemy o wartościach. [w:] Studia z estetyki, t. 3, Warszawa, 1970, s. 220 – 257.

4. R. Ingarden, Książeczka o człowieku, Wydawnictwo Literackie, Kraków, 1987.